

Владислав Март

Фенрир

18+

Владислав Март

Фенрир

«Автор»

2026

Март В.

Фенрир / В. Март — «Автор», 2026

Текст является сломанным пересказом рассказа "Та осень". Будто робот переписал и путаясь в смыслах утонул в словах. Сложный для читателя и бесполезный для писателя этот кусок головоломки вовсе не обязательный.

© Март В., 2026

© Автор, 2026

Владислав Март

Фенрир

Фенрир вышел из дома в сопровождении меня. Меня-свидетеля, что миру этому пришла пора. Избранный свидетельствовать я не имел выбора остаться дома. Меня позвал он.

Мать голосистого комка в сапожках услышала звонкий голос плоти от плоти своей:

— Мама, вот оно, существо такое! Посмотрите! Оно ведь перед нами ходит!

Женщина произнесла твёрдо, медленно, тихо, отдельно и грустно:

— То, чадо моё любимое, всего лишь собака простая.

Но малыш уверяется, продолжая настойчиво утверждать своё открытие, указывает на ценность его пальцем размером и формой с худую балабановскую спичку:

— Нет, мать родимая, неправильно говоришь! Гляньте туда, именно там явление дивное совершается! Там, напротив нашего подъезда серого, встаёт особенное создание, именем именуемое одним словом – «вок».

Мудрая взрослая голова возражает с достоинством сосуда, наполненного опытом прожитой до середины жизни, уверенно и печально, сообразно содержанию слов:

— Неверно сказанное тобой, напрасно сказано, дитяtko дорогое, и на самом деле это является обычной собакою дворовою.

Далее ребёнок с матерью покинули тесное пространство у подъезда, очерченное скамейкой, ведром для ненужного и молодым кустом боярышника, двинулись осторожно, слегка согнувшись и укрывшись от позора собственной вины и совести перед незнакомым человеком, рядом с которым стоял Фенрир. Растущая девочка прошла рядом с животным, малышка нежная в ярких одеждах весенних цветов, легко воспринимаемых глазами мамы, утомлёнными заранее в жизни городской суетой. Одежда девочки сияла цветами солнца, но обувь была странной расцветки – синевато-лиловая, будто предназначенная специально для тех, кто видит мир иначе, нежели прочие жители земли русской, либо куплена случайной удачей на распродаже дешёвой обуви, продаваемой бедным семьям города большого. Может быть эти сапожные цвета лучше других различает «вок»? Однако скорее всего фиолетово-лиловой существовал в знак грядущей перемены мира, поскольку пришла пора.

Маленькая рука протянулась вперёд, стараясь привлечь внимание взрослых существ и показать важное, живое, привлекающее взор детский пытливый. Чтобы добавить слова, чтобы назвать существо верным именем. Она была так близка, промолвив свой «вок». Здесь силы ветра неожиданно ослабели, воздух замер в пространстве, оставляя разговор нерешённым и незавершённым, ибо голоса детей далеко не разносятся на открытых пространствах улицы без движения воздушных масс, на улице, влащущей гравий и трущей механизмы об асфальт. Быть может, расстояние увеличивалось быстро, препятствуя общению свободных душ детской и взрослой, либо вовсе не было сказано ничего значительного или важного ребёнком младшим, из тех, кто стал свидетелем нашего выхода из подъезда, ибо интерес детей угасает столь стремительно, как вспыхнувший огонь свечи недорогой. Теперь лишь одинокий палец маленькой руки смотрел вслед удаляющимся другим, чуждым миру детей прекрасному и радостному по шаблону книжки цветной.

Родители подобных девочек двигались отовсюду далее торопливо, спеша покинуть площадь людского обитания и приблизиться к пределам природы живой, зелёной и тихой, полной деревьев старых и крепких, листьев жёлтых и красных, устлавших землю осеннюю, покрытую тонким слоем влаги дождливой. Не перешагивая через предел, показывали девочкам тьму лесную издали, скрипевшего и воющего насаждения, учили опасностям издали. Научали тьме из которой выйдет судьба всех девочек и заменит им мечты из снов на яркую раскраску лиц. Из наблюдателей травоядных сделает хищниками.

Мы же намеренно шли за границу бордюра последнего и высокого. Фенрир устремился к лесу, невидимой цепью тащил меня за собой, свидетелем поры. Шаги наши стали подобны движениям осторожным животных чащи, пробирающихся незаметно меж кустов и ветвей сухих, чтобы избежать опасности встречи с охотниками злыми или людьми любопытствующими. Известно, что любопытство, направленное не внутрь себя или непознанного наружного быта, а на других людей есть зла вид и охоту превосходит негативными последствиями. Тропинка привела нас наконец к просторному полю лесному, покрытому линиями следов многолетних по земле, листьями разноцветными, шорохом своим встречающие прохожих робких, пугливых и одиноких. Которых бежать в кроссовках толкает неведомая сила или добывать порошки из-под корней. Здесь каждый звук ноты нарушал тишину торжественную осени поздней. Лист шелестел, скрипел ногой человеческой, царапался ветвями тонкими и хрупкими, стучал семенами сухими по спине лёгкой моей курточки походной. Фенриру же лишь опал шерсть в холке между лопатками. Казалось, что не смеет ни ветер, ни семечко застревать в шерсти идущего.

Под ногами простирались ворох листвы потной, увядшей и сгнившей частично, подобно старому полотну ткани, брошенному кем-то давно во влажное, забытым и ненужным. Земля под ногами казалась мягкой, но одновременно упругой, сопротивляющейся движению свободному и быстрому, ног и лап. Лес становился похожим на древнее жилище обитателей ушедших времён, заброшенное и разрушенное временем неумолимым, стены его растрескавшиеся и оголённые стояли прямо перед глазами нашими изумлёнными, потолок его прозрачный и сквозной местами дырами показывал небо сизо-голубое и холодное, что нависло низко над головой круглой усталой и приглушённой ежедневной жизнью современности, беспокойной и однообразной. Казалось, природа потеряла способность покрывать своей тюлью небо, была видна от того чистота лазоревая, растворившаяся безвозвратно в воздухе пустом, лишённом защиты естественной и чудесной. Так, пройдя километр пути кроткого и скорого, остановились мы возле границы лесной глухоты необжитой, отделившей нас от мира человеческих страстей копеечных и суетных, наслаждаясь покоем редким и драгоценным, забывая обо всём тревожащем душу нашу старую и страдающую. Ветер холодный шевелил волосы редкие под шапкой моей вязаной и щипал лицо моё прыщавое болезненное холодом резким и неприятным, напоминающим о близости поры суровой и долгой, что люди живые звали зимой, ожидающей впереди нас обоих терпеливо и молчаливо, наблюдая издали наши хождения последние по земле, открытой и светлой, оставленной навсегда покинутыми её существами человеческими добрыми. Не было больше их, потому и пришла пора.

Движусь вдоль тропинки лесной, созерцаю панораму ниц лежащую: почва ниже моих стоп напоминает картину загадочную, разложенную на мелкие кусочки красками яркими и неяркими. Что же произошло, откуда появилась эта мозаика витиеватая и беспорядочная? Возможно, таинственное существо, называемое зверем небольшим и проворным, животное дикое и быстроногое, например, белка сосновая, потревожившая случайно клад драгоценный, рассыпавшая всю свою добычу заботливую и бережно собранную на зимнее хранение тёплое? Она пробежала спешно по веткам высоким и гладким, оставив следы мельчайшие едва приметные на поверхности фрактала дерева старожившего, сорвала ненароком крышку коробки волшебной, содержащей сокровища несметные, приобретённые трудом многолетним и потом вязким. В коробке хранились предметы ценные и дорогие сердцу хозяина внимательного и бережливого: остатки пищи летних времен счастливейших, сухие хлебные крошки богатые и лакомства сладкие, ореховые ядра зрелые и плоды спелые, фрукты ароматные, овощи свежие, листы бумаги денежной, новенькие и блестящие, монетки золотые и серебряные, найденные случайно и сохранённые для лучших дней грядущих. Все эти ценности полетели вдруг кубарем и раскатились мгновенно по сторонам широкой площади лесной, смешиваясь друг с другом в хаосе полном и беспредельном. Листья дуба роскошные, вырезанные искусством мастера невидимого, напоминающие орнаменты древнего храма для просьбы о лучшей доле,

образовали собой полотно великолепное, переливающееся солнечными лучами утреннего часа золота розового. Рядом расположились ромбы листов осины скромные и тонкие, окружённые изящными лепестками листа орешника крупного и густого, колючими звёздочками листочков рябины кислой и терпкой, широкими кругами лапистой крапинчатой листвы вяза тяжёлого и грубого, яркой пятёрницей листов острого красивого каштана южного, принесённого сюда ветром дальним непостоянным. Фенрир перешагивал без внимания, а я не мог не отвлекаться на мир быта прекрасного, опасаясь, что в другой поре не увижу вороха сказки под ногами.

Эти частицы единой картины природной ложились вокруг моих стоп мягко и плавно, иногда открывая перед взглядом краски яркие, разной длины волны солнечные лучи преломляли блики на поверхность чистую и свежую, в иной миг повернувшись обратной стороною, части ковра представляли взгляду моему оттенок грязно-жёлтый и унылый, словно пыль влажная осенняя настигла лист умерший и поглотила прелесть изначальную. Лицевая сторона многих фрагментов, бывших ещё недавно предметом гордости художника всевышнего, начала постепенно темнеть и терять блеск праздничный летний, гниль червонная выползала наружу, разъедая ткань парчовую, оставляя отпечатки криминальные ржавые, словно память болезни древней и неизлечимой, нацарапанной в стационарной карте больного с номером. Другие же фрагменты практически исчезли совсем, превратившись в крохотные жалкие палочки жёсткие и высохшие, оставшиеся после пиршества стихии бактериальной разрушительной.

Шаг мой коснулся некоторых частиц картины необъятной и прекрасной, ломая их пополам и дробя окончательно, придавливая острые уголки ножек деревянных собственными ботинками тяжёлыми и готовыми к походу в новую пору. Я прошёл дальше, пересекая границу паззла увлекательного, сопровождаемый животным мохнатым и зубастым, известным в народе под названием собаки или волка, людям без разницы как звать то, что пожрёт их, которому дано имя необычное – Фенрир. Сейчас как пес мой собственный и верный он постоянно устремлял взгляд внимательный на мою фигуру одинокую и высокую, ловя каждое мгновение моего присутствия ласкового и любимого, порой же взглядывал озабоченно на сумку небольшую и мягкую, заключающую в себе запасы еды сладкой и соблазнительной, притягательной и приятной. Как будто нужна ему награда за выполнения команд человеческих, а не наоборот, требует он от меня дани вкусной чтобы на секунду замедлить, что задумал, потому что пора пришла.

Собака же, волк, вопреки моим усилиям наблюдения за красотой окружающей среды естественной, совершенно игнорировала существование предметов прекрасного искусства природного на подоле леса, не смотрела на произведения рук ботаники великой и вдохновенной, не заметила красоты частной и коллекционной, свободно проходя по участку как по обычному своему маршруту, словно вся картина представлялась ей незначительной мелочью, недостойной внимания знающего и опытного существа разумного в мире собственном.

Кто же мог стать причиной подобного разрушения гармонии совершенной и покоя нетленного? Ведь задача белки маленькой и пушистой заключается в сборе запасов продовольствия ценного и необходимого, хранении богатства народного и домашнего, обеспечении благополучия семьи многочисленной дружной, помощи родным братьям и сестрам своим близким и любимым. Поэтому представить белок многочисленными отрядами организованными, объединёнными целью разграбления запасов государственных и общественных, представляется невозможным и нелепым делом абсурдным и бессмысленным. Каждая белка страдает ныне одинаково, как и лист благородный любого растения крупного и малого, испытывая голод страшный и лютый, подвергаясь страданиям смертельным, невыносимым. Наступают времена скудные, суровые, пора зимы приближается неотвратимо и жестоко, снега белые осыпят всё вокруг мраком плотным и тяжёлым, ледяной коркой накроют траву зеленую и мхи мягкие, съдаемые мелкими животными несчастными и нуждающимися.

Каждая вторая белка погибнет от голода морного и холодного воздуха морозного, большинство останется лежать замёрзшими трупами печальными, никчёмными. Те же, прощённые зимами прошедшими, например, две-три такие были в радости, уже не смогут пережить следующего испытания сурового и серьёзного. Зачем же создавать лишние трудности природе вечной и мудрой, зачем растрчивать энергию тела молодого здорового на бесполезные занятия праздные и глупые? Зачем бросать на пол леса листы головоломки? Белки имеют заботы важные и неотложные, накопление ресурсов полезных и ценных, строительство жилищ уютных, надёжных, размножение потомства сильного и выносливого, подготовку почвы плодородной и богатой для будущего урожая процветающего, полного. Сажая жёлуди в плоть почвы. Им нужны дела полезные, а не игры детские и пустые, развлечения бессмысленные и бесполезные. Не белки разрушили этот мир, принадлежащий нам живым поровну, не их шкурок изумительных коснётся пасть Фенрира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.